

Фандорин раскрыл японскую душу

последний роман знаменитого цикла Бориса Акунина

II НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ

Почетным гостем прошедшей ярмарки Non/fiction была Япония. В следующем году исполнится сто лет с начала Русско-японской войны 1904—1905 годов. Роман Бориса Акунина «Алмазная колесница» вышел после завершения ярмарки и до чествования памятной даты. Безусловно, он был бы украшением первого события и, очевидно, непосредственно связан со вторым.

Фотограф: Юрий Штукин/Газета

Вряд ли роман создавался просто так, случайно. Вряд ли Акунин не думал о столетнем юбилее, о центральном событии в истории русско-японских отношений. Дело не только в том, что с русско-японской войной непосредственно связан сюжет «Алмазной колесницы».

Роман значимый и знаковый. Он венчает весь фандоринский цикл; он ставит все точки над i; он соединяет в одном лице Бориса Акунина, беллетриста и творца Эраста Петровича Фандорина и специалиста по японской литературе и переводчика Григория Чхартишвили; он раскрывает особенности акунинского письма; он заставляет не только во второй раз перечитать роман, но вызывает желание заново прочесть все книги о Фандорине; он, наконец, позволяет иначе взглянуть и на романы о предках и потомках Фандорина «Алтын-толобас» и «Внеклассное чтение».

Роман-иероглиф, роман-хоку, постепенно, как веер, раскрывающийся перед читателем. Роман, не написанный, а нарисованный, как кисточкой выведенный на рисовой бумаге. Роман, который можно рассматривать, которым можно любоваться, как искус-

ным изделием, который привычную детективную интригу превращает в тонкий инструмент, в необходимую. а потому столь органичную часть общей романной конструкции. Акунина нужно разгадывать. Детективная интрига у него важна не столько сама по себе, сколько в качестве способа прочтения. Потому что разгадывается (а значит — прочитывается) не только собственно сюжет, не только само по себе преступление. Тем более что в романе — в первой части, то есть в «Ловце стрекоз», по крайней мере, кто именно виновник преступлений, очевидно сразу, читатель все время оказывается свидетелем его действий. Но помимо сюжета, помимо тайны преступления существует еще и много всего другого. Начиная с имени, под которым выступает «ловец стрекоз» — штабс-капитан Рыбников (имени, отсылающему к известному купринскому произведению), и до множества тем, лейтмотивов, проблем, скрытых цитат, хоку, которыми завершается каждая глава второй части. Здесь восхищает сама сделанность, потому что она не банальна, потому что она серьезна, профессиональна, потому что она свидетельствует о мастерстве и знании. Здесь вообще за внешней доступностью многое что скрыто между строк: незаурядное умение, скажем, создавать портреты и харак-

теры соседствует с рассуждениями и ламентациями более общего порядка. История, политика, Россия, Япония, Англия, война, революция, терроризм, а кроме того — порядок, хаос, монархия, конституция, жизнь, смерть, любовь, наконец; искусство, традиции, цивилизация, варварство, судьба и национальный характер — все есть в этом эпическом детективе. Причем не смешано, не свалено в одну кучу — но продумано, выстроено, просчитано до мельчайших деталей.

Это «истинный Акунин» (что это такое — ответ также в «Алмазной колеснице», равно как и что такое сама «Алмазная колесница») — занимательный, легкий, но и поучающий. А главное — отвечающий за свои слова. Акунин, вынуждающий читателя постоянно оглядываться назад. И не только потому, что, прочитав в «Ловце стрекоз» о событиях 1905 года, читатель вынужден затем отправляться вместе с молодым Фандориным в Японию года 1878-го. Путешествие это необходимо для понимания как сути и сюжета «Алмазной колесницы», так и сути самого Фандорина — его «японской» составляющей, его слуги Маса, его мировоззрения, взгляда на жизнь, его отношения к истории, его темперамента. Но поэтому, кстати сказать, понятна и «цитатность» Акунина. Это все то же самое возвращение, ретро-

спекция, стремление через прошлое увидеть настоящее, в новом языке и новой стилистике указать на отзвуки былого, обнаружить забытые смыслы. Говорят, что очевидность литературного приема или сделанности художественного произведения — недостаток. Но с другой стороны, кто еще из наших писателей так умеет «сделать» текст, как Борис Акунин, кто еще просто даже настолько же квалифицированный читатель? Нет больше никого.

Борис Акунин. Алмазная колесница. — Т. 1. Ловец стрекоз. Т. 2. Между строк. — М.: «Захаров», 2003.